

Каждый
в котором
есть
тепло

КАФЕ
Ветер перемен

Запах свежего хлеба

ЛИНА ВЕЙ

Лина Вей

Запах свежего хлеба

<https://litres.ru/74170858>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда, чтобы не сломаться, нужно просто замесить тесто.

Настя верила, что пекарня станет их общим с Артёмом местом силы — тёплым, надёжным, навсегда. Но любовь рассыпалась, а вместе с ней рухнули и планы. Теперь ей предстоит не просто печь хлеб — ей нужно заново научиться доверять, опираться на себя и строить будущее, где она не обязана быть удобной.

В стенах пекарни, наполненных запахом свежей выпечки, Настя находит не только дело всей жизни, но и настоящую опору: мудрую Иру, которая всё понимает без лишних слов, и юную Лизу, которой хочется передать не только рецепты, но и веру в себя. Каждый ломтик хлеба становится её тихим обещанием: «Я справлюсь. У моего ребёнка будет тепло и спокойно».

Это история о том, как боль превращается в заботу, а одиночество — в команду. О том, что иногда дом — это не стены, а запах свежего хлеба и люди, которые рядом.

Для поклонников камерной прозы, женской драмы и мелодрамы.

Содержание

Часть 1. Разлом	4
Глава 1. Утро в пекарне	4
Глава 2. День в пекарне	11
Глава 3. Вечер	17
Глава 4. Убежище	20
Глава 5. Ночь	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Лина Вей

Запах свежего хлеба

Часть 1. Разлом

Глава 1. Утро в пекарне

Первые лучи солнца пробивались сквозь пыльное стекло витрины, ложились косыми золотыми полосами на деревянные столы и скользили по медной ручке старой кофемолки. В пекарне ещё пахло вчерашней выпечкой — тёплым, чуть сладковатым остатком дня, смешанным с запахом муки, который въелся в стены, в доски, в самую тишину этого места.

Настя стояла у широкого дубового стола, рукава футболки закатаны до локтей, на плечах — лёгкий белый фартук, уже припорошённый мукой. Она месила тесто: вдавливала ладони, разворачивала пласт, складывала, снова вдавливала. Ритм был знакомый, почти убаюкивающий. Тесто отзывалось — тёплое, живое, упругое, оно не противилось, а будто подстраивалось под её руки, как старый друг.

Скрип деревянной лопатки, которой Ира чуть раньше сгребала остатки муки в совок, ещё звучал в ушах, будто эхо. Этот звук был частью утреннего ритуала: скрип, шорох му-

ки, тихий гул печи, которая уже разогревалась, набирая жар.

В воздухе витал запах ванили — не резкий, не кондитерский, а мягкий, будто кто-то только что открыл банку с экстрактом и тут же закрыл. И поверх всего этого — запах дрожжей: живой, чуть кисловатый, обещающий, что скоро здесь будет тепло и много свежего хлеба.

Настя сделала глубокий вдох и вдруг поняла, что устала. Не так, как устаёшь после длинной смены, когда ноют плечи и хочется просто упасть на стул. Это была другая усталость — будто изнутри вынули пружину, и теперь всё тело стало чуть тяжелее, медленнее. Она на секунду замерла, уперев ладони в тесто, и прислушалась к себе. «Наверное, переработала на прошлой неделе, — подумала она. — Или просто не выспалась».

Она снова принялась месить, стараясь вернуть тот ровный ритм, который всегда помогал ей думать. Тесто не терпело суеты. Оно требовало уверенности: если торопишься, становится плотным, неподатливым, будто обижается. А Настя хотела, чтобы сегодня всё получилось. Сегодня был важный день: они собирались запустить новый вид булочек с корицей и апельсиновой цедрой, и Артём обещал помочь с витриной, расставить всё так, чтобы выглядело по-особенному.

Мысли об Артёме вызвали лёгкое беспокойство, похожее на едва заметную шероховатость на гладкой доске стола. В последние дни он был каким-то отстранённым: много говорил про заказы, про аренду, про то, что нужно расширять ас-

сортимент, но почти не смотрел ей в глаза. Настя списывала это на стресс — пекарня требовала сил, времени, нервов. Но где-то в глубине души шевелилось сомнение: а вдруг дело не только в этом?

Она встряхнула головой, прогоняя лишние мысли. Сейчас нужно было сосредоточиться на тесте. Она провела ладонью по поверхности, проверяя гладкость, и улыбнулась: получилось ровно, без комков, с той самой приятной упругостью, которую она так любила.

— Ты сегодня рано, — раздался за спиной спокойный голос Иры.

Настя вздрогнула от неожиданности и обернулась. Ира стояла в дверях подсобки, в таком же фартуке, только более поношенном, с вышитой на кармане надписью «Хлеб — это серьёзно». В руках она держала жестяную банку с солью.

— Не спится, — ответила Настя, слегка улыбнувшись. — Решила, что лучше прийти и заняться тестом, чем лежать и смотреть в потолок.

Ира кивнула, будто это было самое разумное решение на свете. Она подошла к столу, поставила банку, потом взяла деревянную лопатку и провела ею по краю стола, собирая невидимые крошки.

— Тесто хорошее, — сказала она, наклонив голову и внимательно разглядывая пласт. — Плотное, но не забитое. Ты его не торопила.

Настя снова улыбнулась, на этот раз чуть шире. Компли-

мент от Иры был редкостью, и оттого ценился особенно. Ира не хвалила просто так. Если она говорила, что тесто хорошее, значит, оно действительно было хорошим.

— Спасибо, — тихо сказала Настя.

Ира посмотрела на неё чуть внимательнее, чем обычно, будто хотела что-то сказать, но передумала. Вместо этого она взяла совок и начала аккуратно сгребать муку с края стола.

— Если хочешь, я могу заняться булочками с корицей, — предложила она. — А ты пока займись хлебом. Или вообще посиди, выпей чаю. Ты бледная какая-то.

— Нет-нет, — быстро ответила Настя, снова утыкаясь в тесто. — Я в порядке. Просто... немного устала. Но это ничего. Сейчас разомнусь, и всё будет хорошо.

Ира пожала плечами, не настаивая. Она знала: если давить, Настя только упрямится. Лучше дать ей делать то, что она умеет, то, что приносит ей спокойствие.

— Как скажешь, — спокойно произнесла она и отошла к печи, чтобы проверить температуру.

Настя снова склонилась над тестом, погружая пальцы в тёплую массу. Она чувствовала, как тепло проникает сквозь кожу, как оно будто согревает её изнутри. В этот момент ей казалось, что всё будет хорошо. Что усталость — это просто усталость, что Артём скоро снова станет прежним, что булочки получатся идеальными, а день будет добрым.

Но где-то на краю сознания шевелилось что-то ещё — лёгкое предчувствие, будто перед ней вот-вот откроется дверь,

за которой лежит совсем другая жизнь.

Через несколько минут, когда тесто было почти готово к расстойке, Настя вдруг поняла, что ей нужно в подсобку. Не потому, что там что-то ждало, а потому, что внутри нарастало странное напряжение, будто воздух стал гуще, тяжелее. Она вытерла руки о фартук, стараясь не оставлять мучных следов, и тихо вышла из основного зала.

Подсобка была маленькой и тесной: полки с банками, коробки с упаковками, старый холодильник, который тихо гудел, и узкая полка, где хранились всякие мелочи. Настя подошла к верхней полке, где среди коробок с этикетками лежал небольшой бумажный пакетик. Она достала его, пальцы слегка дрожали, но она старалась не замечать этого.

Тест лежал в пакетике, маленький и неприметный, будто и не собирался менять чью-то жизнь. Настя вскрыла упаковку, сделала всё, как было написано в инструкции, и положила тест на край полки, рядом с банкой корицы. Потом отошла на шаг и стала ждать, глядя на белую полоску пластика, как на нечто совершенно чуждое этому привычному, уютному миру пекарни.

Минуты тянулись медленно, будто тесто, которое никак не хотело подниматься. Настя смотрела на тест, и в голове крутились разные мысли: «А вдруг ошибка? А вдруг я зря волнуюсь? А вдруг это просто усталость?»

Когда на тесте появились две полоски, Настя на секунду закрыла глаза. Сердце забило быстрее, а потом вдруг стало

тихо — так тихо, что она услышала, как гудит холодильник и как где-то вдалеке звякает ложка о чашку.

Две полосы.

Она медленно выдохнула, провела ладонью по лицу, стирая невидимую муку, и снова посмотрела на тест. В этот момент она ещё не чувствовала ни страха, ни радости — только лёгкое удивление, будто мир чуть-чуть сдвинулся, и теперь всё выглядело немного иначе.

«Это начало новой счастливой главы», — подумала она, и в этой мысли было столько надежды, что она почти поверила в неё.

Настя аккуратно завернула тест в салфетку, спрятала в карман фартука и глубоко вздохнула. Когда она вышла из подсобки, в пекарне уже было светлее: солнце поднялось выше, и его лучи теперь заливали весь зал тёплым светом.

Ира стояла у печи, проверяя температуру, и, не оборачиваясь, сказала:

— Всё в порядке?

Настя на мгновение замерла, а потом кивнула, хотя Ира и не видела этого.

— Да, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Всё в порядке.

Ира повернулась, посмотрела на неё, чуть прищурившись, будто пытаясь прочитать что-то в её глазах. Но ничего не сказала. Вместо этого она кивнула, как будто приняла этот ответ, каким бы он ни был.

— Тогда давай займёмся булочками, — сказала она. — Сегодня должен быть хороший день.

И Настя вдруг почувствовала, что, возможно, так и будет. Что, несмотря на всё, день действительно может быть хорошим. Что она справится. Что тесто не обманешь, и если вложить в него всё своё тепло, оно обязательно ответит тем же.

Она подошла к столу, снова взяла деревянную лопатку, и скрип её по доске прозвучал как обещание: всё будет хорошо.

Глава 2. День в пекарне

День в пекарне шёл как обычно — будто мир не сдвинулся с места, будто ничего не изменилось. Но для Насти всё стало чуть другим: звуки — острее, запахи — гуще, движения — тяжелее. Она старалась держаться ровно, улыбаться гостям, взвешивать муку, ставить противни, но руки чуть дрожали, и эту дрожь она прятала, сжимая пальцы крепче, чем нужно.

Утро перетекло в день, и зал наполнился людьми: кто-то забегал за круассаном к автобусу, кто-то садился у окна с ноутбуком, чтобы выпить кофе и посмотреть на улицу. Витрина блестела, булочки лежали ровными рядами, будто выстроенные по линейке, а над прилавком витал тёплый, обволакивающий запах свежей выпечки.

Настя стояла у витрины, доставала из-под стекла булочки с корицей и апельсиновой цедрой, заворачивала их в пергамент, улыбалась, говорила «спасибо», принимала деньги, снова улыбалась. Улыбка была настоящей, но чуть тоньше, чем обычно, будто её натянули на лицо поверх чего-то другого — того, что пряталось внутри.

Артём был рядом, но как будто не с ней. Он занимался витриной, переставлял ценники, протирал стекло, слишком усердно, слишком громко. Его голос звучал чуть громче, чем требовалось:

— Надо бы ещё партию булочек выставить, пока не раску-

пили. И ценники поменяем: на хлеб с семечками поднимем на десять рублей, спрос хороший.

Он говорил это, глядя куда-то мимо Насти — то на витрину, то на кассу, то на дверь, будто боялся встретиться с ней взглядом. А когда их глаза всё-таки на секунду пересеклись, он тут же отводил взгляд, будто обжигался.

Настя кивала, соглашалась, делала, как он говорил. Не потому, что хотела, а потому, что так было проще. Проще не спорить, не выяснять, не поднимать то, что лежало в кармане фартука, завёрнутое в салфетку.

— Ты в порядке? — вдруг спросил Артём, не глядя на неё. Он протирал стекло витрины, и движения его были резкими, будто он хотел стереть не только крошки, а что-то ещё.

Настя на мгновение замерла, пальцы снова дрогнули, и она быстро спрятала руки за спину, чтобы он не заметил.

— Да, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Просто устала немного. С утра много замесов было.

Артём кивнул, будто поверил. Или сделал вид, что поверил.

— Может, тебе отдохнуть? Я тут сам справлюсь.

— Нет, — слишком быстро сказала Настя и тут же смягчила голос: — Спасибо, но нет. Лучше я буду занята. Когда стоишь у печи, как-то... спокойнее.

Он снова кивнул и снова не посмотрел на неё. Вместо этого он взялся за ценники, начал их переставлять, шуршать бумагой, будто этот шум мог заполнить тишину между ними.

В этот момент в зал вошла Ира. Она не спешила, шла спокойно, будто знала, что всё идёт как надо, даже если снаружи казалось иначе. На ней был тот же фартук, что и утром, только теперь он был ещё больше припорошён мукой, а на кармане виднелось маленькое тёмное пятнышко от корицы.

Ира подошла к Насте, встала рядом, не спрашивая, не навязываясь, просто заняла место у прилавка, как будто так и было задумано.

— Давай я с кассой побуду, — тихо сказала она, чуть наклонив голову, чтобы посмотреть Насте в глаза. — А ты иди проверь печь. Температуру надо подправить, я чувствую, что хлеб чуть пересушивается.

Настя хотела возразить, сказать, что она в порядке, что справится, но вместо этого просто кивнула. Слова застряли в горле, а благодарность была такой большой, что её не хотелось облекать в фразы.

Она отошла от прилавка, прошла через зал, мимо Артёма, который всё ещё возился с ценниками, мимо гостей, которые пили кофе и не знали ничего о том, что происходит за прилавком. В подсобке было чуть прохладнее, тише, и запах муки здесь был не сладким, а более строгим, почти сухим.

Печь гудела, отдавая жар, и Настя поднесла ладонь к металлической дверце, проверяя, насколько горячо. Она знала этот жар наизусть: если ладонь выдерживала десять секунд — всё в порядке, если меньше — надо убавлять. Сегодня жар был чуть сильнее, чем нужно, и она потянулась к регу-

лятору, повернула его, прислушиваясь к тому, как меняется гул печи.

— Ты точно в порядке?

Настя вздрогнула и обернулась. В дверях стояла Ира, держала в руках стопку чистых полотенец и смотрела на Настю спокойно, без давления, но так, будто видела больше, чем Настя хотела показать.

— Да, — снова сказала Настя, но на этот раз голос чуть дрогнул, и она не стала прятать это дрожание. — Нет. Не совсем. Но я справлюсь.

Ира не стала задавать лишних вопросов. Она просто подошла, положила полотенца на полку, потом взяла деревянную лопатку и провела ею по краю стола, собирая невидимые крошки. Этот скрип был таким знакомым, таким привычным, что Настя вдруг почувствовала, как внутри что-то чуть-чуть расслабилось.

— Знаешь, тесто не любит, когда в него вкладывают тревогу, — сказала Ира, не глядя на Настю, будто говорила это не ей, а самой пекарне, стенам, печи. — Оно чувствует. Если руки дрожат, оно становится плотным, тяжёлым. А если ты скажешь себе: «Сейчас я просто пекарь», оно снова станет послушным.

Настя улыбнулась, но улыбка вышла грустной.

— А если я не могу перестать быть чем-то ещё? Если я не только пекарь?

Ира наконец посмотрела на неё, прямо, без спешки.

— Тогда ты пекарь, которому сегодня чуть тяжелее. Это нормально. Мы все бываем такими. Главное — не пытаться делать вид, что ничего не происходит. Просто скажи, где нужна помощь. Не обязательно словами. Можешь просто кивнуть. Или промолчать. Я пойму.

Настя снова кивнула, и на этот раз это был не автоматический жест, а настоящий ответ.

— Спасибо, — прошептала она.

Ира чуть улыбнулась, едва заметно, и вернулась к полотенцам, начала их аккуратно складывать, будто в этом складывании была своя магия, своё утешение.

Когда они вышли обратно в зал, Артём как раз закончил с ценниками. Он стоял у витрины, смотрел на булочки, будто пытался найти в них ответы на какие-то свои вопросы. Когда он увидел Настю и Иру, он будто чуть выпрямился, как человек, который хочет казаться увереннее, чем есть на самом деле.

— Всё в порядке? — спросил он, на этот раз глядя почти на Настю, но всё равно чуть мимо.

— Да, — спокойно ответила Настя. На этот раз в её голосе было больше уверенности, не потому, что тревога ушла, а потому, что рядом была Ира, и это давало опору. — Печь поправили. Хлеб будет хорошим.

Артём снова кивнул, будто это было самое важное, что он мог услышать.

День шёл дальше. Гости приходили и уходили, булочки

исчезали с витрины, кофе остывал в чашках, а запах ванили и дрожжей всё так же витал в воздухе, смешиваясь с чем-то ещё — с напряжением, которое никто не называл вслух, но все чувствовали.

Настя снова встала у прилавка, принимала заказы, заворачивала булочки, улыбалась. Её руки всё ещё чуть дрожали, но теперь она не прятала их так отчаянно. Она позволяла себе эту дрожь, как часть дня, как часть себя. И в этой честности было что-то освобождающее.

А вечером, когда зал опустел, когда последние гости ушли, а витрины были убраны, Настя стояла у печи и смотрела, как остывает металл. Артём уже ушёл, сославшись на какие-то дела, и в этом уходе было что-то слишком поспешное, слишком похожее на бегство.

Ира подошла, встала рядом, тоже посмотрела на печь.

— Сегодня ты держалась хорошо, — тихо сказала она.

Настя усмехнулась, но без горечи.

— Я просто делала свою работу.

— Именно это и важно, — ответила Ира. — Когда всё рушится, держи то, что умеешь делать хорошо. Остальное подтянется. Или не подтянется. Но ты будешь знать, что сделала всё, что могла.

И в этих словах не было ни жалости, ни наставлений. Только простая, твёрдая правда, которую Настя вдруг почувствовала всей кожей, как тепло от печи, которое ещё не ушло.

Глава 3. Вечер

День в пекарне наконец выдохся. Последние гости разошлись, витрины опустели наполовину, а запах выпечки, который утром казался уютным, теперь давил — слишком густой, слишком сладкий, будто пытался скрыть то, что становилось всё тяжелее на душе. Настя убирала полки, машинально протирала стекло, смотрела на свои руки и думала: «Надо поговорить. Сейчас. Пока я ещё могу говорить».

Она сняла фартук, аккуратно повесила его на крючок. Ткань была тёплой от дня, пропитанной мукой и ванилью, и на секунду Настя прижала её к себе, будто это могло дать ещё немного сил. Потом глубоко вздохнула, поправила волосы, убрала выбившуюся прядь за ухо и вышла на улицу.

Вечер в Твери был прохладным. Асфальт ещё хранил дневное тепло, но воздух уже стал другим — прозрачным, острым, с лёгкой сыростью, которая обещала дождь. Фонари зажигались один за другим, и их жёлтый свет ложился на мостовую неровными кругами.

Настя знала, где искать Артёма. Он часто заходил в соседнее кафе — не столько ради кофе, сколько ради привычки, ради того, чтобы быть «на виду», как он говорил. И ещё — ради бариста, чьё имя Настя старалась не произносить даже про себя.

Пекарня осталась за спиной — тёплый прямоугольник

света, деревянные рамы, витрина, в которой отражались прохожие. А впереди, через узкую улицу, светилося кафе: холодный неоновый свет, резкий, почти стерильный, выхватывающий из темноты стеклянные двери и вывеску с буквами, которые мигали, будто спорили с вечерним спокойствием города.

Настя остановилась на углу, не решаясь подойти ближе. В груди всё сжалось, и она снова подумала: «Просто скажи. Это твоя жизнь. Твой ребёнок. Ты имеешь право». Она сделала шаг вперёд, потом ещё один, и вот уже стояла напротив витрины кафе, глядя внутрь сквозь стекло.

И в этот момент она увидела их.

Артём стоял у стойки, а бариста — в чёрной футболке, небрежно собранными волосами, с той самой улыбкой, которую Настя раньше считала просто дружелюбной, — приблизилась к нему, встала слишком близко, почти вторгаясь в его личное пространство, и поцеловала.

На секунду время будто остановилось. Настя видела всё в мельчайших деталях: как Артём не отстранился сразу, как его плечи чуть напряглись, а потом он всё-таки обнял её — не страстно, не отчаянно, а как человек, который уже привык к этому движению, который знает, куда положить руку.

Контраст был невыносимым: за спиной Насти — тёплый, живой свет пекарни, запах дрожжей и ванили, ощущение дома; впереди — холодный неоновый свет, который делал лица чуть плоскими, чуть чужими, будто они были не людьми, а

фигурами из рекламы.

Настя отступила назад, шаг, ещё шаг, пока не оказалась в тени дома, где её никто не мог увидеть. Сердце колотилось так сильно, что она чувствовала его в горле, в висках, в кончиках пальцев. Руки дрожали, и она сжала их в кулаки, впинаясь ногтями в ладони, чтобы почувствовать что-то кроме этой боли.

«Я хотела просто сказать про ребёнка, — пронеслось в голове. — Просто: „Я беременна“. А он... он уже давно жил в другой истории».

Она постояла ещё немного, глядя на витрину, на отражение своего силуэта в стекле — тонкого, чуть сгорбленного, будто мир стал тяжелее. Потом развернулась и пошла обратно, туда, где было тепло. Туда, где пахло домом.

Глава 4. Убежище

Настя вернулась в пекарню, будто в убежище. Дверь тихо щёлкнула за её спиной, отрезая уличный холод, неоновый свет и всё то, что осталось там, за стеклом. Внутри было тихо, только печь ещё тихо гудела, отдавая остатки жара, и этот звук был таким родным, таким правильным, что Настя на секунду закрыла глаза, вдыхая знакомый запах — муки, ванили, тёплого дерева.

Ей хотелось просто постоять, прислониться лбом к прохладному стеклу витрины и дать себе минуту, чтобы дыхание стало ровным. Но минута не помогала. Руки тряслись всё сильнее, и эта дрожь была уже не той, которую можно спрятать, сжав пальцы. Она шла изнутри, из самой середины, и делала движения неловкими, чужими.

Настя подошла к столу, где ещё оставалось тесто — тяжёлое, плотное, ждущее, чтобы его снова замесили, чтобы в него вложили силу и уверенность. Она опустила руки в тесто, попыталась повторить привычный ритм: вдавить, развернуть, сложить. Но тесто не слушалось. Оно было неподатливым, будто знало, что в него вкладывают не спокойствие, а боль, и не хотело принимать её.

— Стой.

Голос Иры прозвучал негромко, но твёрдо, как щелчок выключателя. Настя вздрогнула и подняла глаза. Ира стояла

рядом, смотрела не с жалостью, не с расспросами, а просто, прямо, будто видела не слёзы, которые Настя старалась не пролить, а задачу, которую нужно решить.

Ира не стала спрашивать: «Что случилось?», не стала говорить: «Расскажи мне», не стала обнимать. Вместо этого она просто подошла, закатала рукава чуть выше и молча забрала у Насти тяжёлое тесто. Её руки уверенно погрузились в массу, приняли её вес, начали работать — ровно, спокойно, без суеты.

— Сегодня ты не месишь, — сказала Ира, не отрываясь от теста. — Ты режешь. Это спокойнее.

Она кивнула на доску, где лежали уже подошедшие булочки, готовые к нарезке. Рядом стояла деревянная лопатка, нож с тонким лезвием, маленькая миска с водой, чтобы смачивать лезвие и чтобы тесто не прилипало.

Настя посмотрела на доску, на нож, на воду, и вдруг почувствовала, что может сделать это. Резать — это не про силу, не про контроль, это про точность, про внимание к деталям. И в этом внимании можно спрятаться, можно собраться.

Она взяла нож, смочила лезвие в воде, провела по булочке — ровный, чистый срез, и запах свежей выпечки стал ещё сильнее, будто сам хлеб хотел её поддержать. Она сделала ещё один срез, потом ещё, и ритм вернулся — не тот, что был у замеса, а другой, более тихий, более осторожный.

Ира месила тесто, её движения были уверенными, силь-

ными, но не резкими. Она не смотрела на Настю, не пыталась поймать её взгляд, не задавала вопросов. Она просто работала рядом, и в этом молчании было столько поддержки, сколько не дали бы никакие слова.

Иногда Ира бросала короткий взгляд на печь, проверяла температуру, кивала сама себе, будто говорила: «Всё идёт как надо». Иногда поправляла полотенце на плече, стряхивала муку с фартука, но всё это было не для того, чтобы привлечь внимание, а просто потому, что так устроен день, так устроена работа, и когда мир рушится, именно эти маленькие ритуалы держат тебя на ногах.

В подсобке тихо гудел холодильник, за окном уже совсем стемнело, и свет из пекарни ложился на асфальт узкой дорожкой, будто приглашая вернуться, если вдруг снова станет холодно.

Когда булочки были нарезаны, Настя поставила доску на прилавок, посмотрела на ровные ломтики и вдруг почувствовала, что руки почти перестали дрожать. Не потому, что боль ушла, а потому, что она сделала что-то правильное, что-то своё.

Ира подошла, посмотрела на нарезку, чуть наклонив голову, и кивнула:

— Хорошо. Ровно. Без спешки.

Настя хотела сказать «спасибо», но слова застряли в горле. Вместо этого она просто кивнула в ответ.

Ира поняла. Она всегда понимала больше, чем говорили

вслух.

— Завтра будет новый день, — сказала она, негромко, будто это была не банальность, а обещание. — А сегодня мы сделали хлеб. И этого достаточно.

Настя снова кивнула. И в этот момент ей действительно показалось, что этого достаточно. Что сегодня не нужно было ничего больше — ни слов, ни оправданий, ни объяснений. Только хлеб, только работа, только человек, который молча забрал у тебя самое тяжёлое и сказал: «Ты режешь. Это спокойнее».

И этого было достаточно, чтобы пережить этот вечер.

Глава 5. Ночь

Ночь в маленькой квартире Насти была слишком тихой. Тишина давила, будто специально становилась гуще, чтобы в ней громче звучали мысли. Окно выходило во двор, где фонари горели тускло, как недогоревшие свечи, и свет их ложился на пол неровными квадратами. Настя лежала на боку, подтянув колени, смотрела на эти квадраты и пыталась ни о чём не думать. Но не получалось.

Мысли крутились, как тесто, которое месишь слишком долго: сначала становятся понятными, потом снова сбиваются в плотный комок. «Ребёнок. Мой ребёнок. А что я ему дам?» Она клала ладонь на живот, будто хотела почувствовать там хоть что-то — не движение, нет, ещё рано, — а просто подтверждение, что это правда, что она не придумала всё это от усталости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.